

Неман. - 1993. - №5. - с. 49-82.

Евгения ЯНИЩИЦ

ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ

Евгения Янишиц. Чаще ее называли доверительно и любовно — Женя.

Золотой тучкой проплыла она по небу белорусской поэзии. Приплыла из Полесья, чтобы напомнить об этом сохраненном самой вечностью крае. Чтобы поделиться восхищением перед родными местами. Чтобы, как луговая птица, отвести беду от родного гнезда. Попробовать отвести.

Полесье мало было мелиорации, которую так пестовал один из ее крестных отцов, — красавая легенда партаппарат. Чернобыль черным крестом лег на древний и самобытнейший край. Поэтесса Евгения Янишиц обостренно чувствовала свое преждевременное расставание и с родным краем и с этим миром. Отсюда в ее стихах такая пророческая тоска, такое неизбежное отчаяние и горькопольинная радость короткого свидания с земными заботами.

Наверно, Бог выбирает место рождения поэта. Неслучайно Евгения Иосифовна Янишиц родилась в полесской деревне — Велесница. Это в честь языческого бога Велеса, особо почитаемого белорусами, опекуна пастухов и их стад. Велесница — как бы дочь Велеса. А поэтесса Евгения Янишиц была любимой docherью древнего бога слова. Потому и слово Евгений Янишиц будет еще долго звучать в каждой белорусской душе. Ибо оно — белорусское, древнее мудростию и утреннее искренностью.

Рыгор БОРОДУЛИН,
народный поэт Беларуси.

Все выжжено дотла.
За что такая кара? —
Я до конца прошла
Трагедию пожара.

И к сердцу жар версты
Прижала что есть силы,
Хоть за собой мосты
Все — начисто! — спалила.

Но, о пути скорбя,
Пропавшем в далах смутных,
Я буду ждать тебя
Со всех ветров попутных.

Град, стебли теребя,
Звенит и травы косит.
...Я та, что у тебя
Прощенья не попросит.

Замирает лето

Коршун прошумел. Взмывает сокол.
От покосов — росный аромат.
Замирает лето. И высоко
Звезды над прохладою звенят.

И ни звука... Ткутся в легких кронах
Красна, словно паутинок сеть.
И не надо о листах зеленых,
О зеленых временах скорбеть.

По дороге звончай, по полю
Разгулялся ветер, пыль вихря.
Отпускаю душеньку на волю,—
Ты ее не опекунствуй зря!

Опасаюсь жалкого удела,
Где в чаду удущивого зла
Ни одна слеза не закипела,
Ни едина песня не взросла.

Вам!..

Словно эхо в далеких горах,
Колебаний ловлю амплитуду.
...Вы, что с правдой на скользких губах,
Не морочьте же головы люду!

Чист фасад, и венец не в пыли,
А внутри — и труха, и половы.
Вы, что к теплым местам приросли,
Обесценили клятву и слово!

Но ни шагу, ни шагу назад!
Что с того, коль вперед — ни полшага.
А блестящий венец и фасад —
То могильник, где тлеет бумага...

Бойтесь тени: а вдруг Варлаам,
А во храме — прорабы аферы.
Вы, сгубившие верности храм,
Обратите на Храм свои взоры!

Последний апостол

«Ужель опять потонете в бессилье
И след покроет жесткая трава...
Теперь, когда у грез устали крылья
Куда, на склоне,— ваша голова?»

Я о порядке старом, а не новом:
О сколько их погибло в суетне!..»
И головы, встревоженные зовом,
Вдруг повернулись в строгой тишине.

Там кто-то хвост притиснул кошке блудной,
И щупали пройдохи кошели...
На шахматной доске, узорно-трудной,
Других времен играли короли.

Наигранные тонкие усмешки,
На пальцах — хищнический блеск когтей!
А в наступленье шли одни лишь пешки,
Опешив уважаемых людей...

«Ужель опять потонете в бессилье?»
Но день светал в редевшей темноте,
И всех крутила дьявольская сила!..
И хотал апостол на кресте.

Неотступною стаей —
заботы
О словах, что ложатся строкой...

...Как тебя оторвать от работы,
От кандалной работы такой?

Над селом разгулялась стихия —
Не стихают напльвы дождя.
И не мама, а аве Мария
Все летает на грани житья.

Строфы выполю взглядом
пристранным:
Что они перед сникшим селом,
Перед этим задумчиво-ясным,
Некрестьянски-высоким челом?!

В жите годы твои — перекликом,
И протяжный туман над горой...
Ты могла бы таинственным лицом
Быть, пожалуй, иконе — сестрой.

Завершим благодатно стожочек,
И промолвит матуля, скорбя:
«Как тебя уберечь мне от строчек,
От напасти, что съела тебя!»

Я выдохну слезами, черт возьми,
В продажный мир, что смотрит плутовато:
Не закрывайте дверь перед людьми
И перед теми, кому верить надо.

Отчаянию душу не отдам,
Просветы в небо есть и в клубах дыма...
И в слякоть кличьте тех по проводам,
Кому довериться необходимо.

В твоей беде зациклится беда,—
Довольный недруг усмехнется съто...
Не замыкайтесь же в себе, когда
Есть в мире тот, кому душа открыта.

Я тереблю в раздумье горький лоб.
Я думаю, как в жизни все не просто....
Мне задает вопросы хитрый сноб,
И те вопросы кажутся допросом.

Ну что ж, допытывайся, бог с тобой!
(Не первому тебе я отвечаю.)

Давно я знаю то, какой ценой,
Какой любовью строки выдыхаю!

◆
Остить и больше не встречаться,
Чтоб равновесие пришло,
И рас простряться, рас простряться
С тем, что щемяще обожгло!

Пусть догорит оно, дотлеет!..
Я знаю, лишь себя виня,—
Не будет праздников светлее,
Чем те, что были у меня.

Встал в долговечности невечной
Мой смутный полдень холостой,
И огонек мигает свечкой
Над неизведенной верстой.

Меж грандиозными громами,
Меж тихих пашен и лесов —
Знать не хочу, что будет с нами!
...Нет, я не рас прострилась с Вами,
Хоть не прошу ответных слов.

Перевод с белорусского
Бронислава СПРИНЧАНА.

